

въ особенности теперь, на порогѣ отхода изъ жизни, когда недалекъ уже тотъ моментъ, когда придется сказать свое— „*Нынѣ отпущаши*“,— когда человѣкъ становится способнымъ и на себя, на собственную дѣятельность, посмотретьъ беспристрастно,— я считаю нужнымъ сказать здѣсь и о моемъ отношеніи ко Л-ву Николаевичу.

Покинувъ въ началѣ 1863 года Тулу, я возвратился въ Москву и поступить было опять въ Университетъ; но большинство студентовъ въ это время занималось дѣломъ плохо, потому что занималось политикою; среди студенчества образовались кружки, отдавшіеся всецѣло пропагандѣ революціонныхъ идей, подготовленію переворота, долженствовавшаго вдоворить у насъ соціальную республику; изучалась политическая экономія по Милю въ переводе и съ примѣчаніями Чернышевскаго, идеаломъ былъ Рахметовъ изъ „Что дѣлать“ того же Чернышевскаго, который былъ *идоломъ* молодежи того времени. Возвратившись изъ Ясной Поляны, я былъ чуждъ политикѣ, былъ противникомъ всего тогдашняго направлениія. Но Л-въ Н-чъ ничего твердаго, устойчиваго намъ не далъ; міровоззрѣніе его было такъ же материалистично, какъ и то, изъ котораго вышло революціонное направлениe нашей молодежи; Лезъ Н-чъ не постигалъ истинной основы русскаго народа, хотя, какъ выше сказано, и видѣлъ въ народѣ источникъ всякой мудрости, истины, блага и красоты, но онъ не видѣлъ во всемъ этомъ религіозной основы, того, что дѣлаетъ въ представлениі на中华人名共和国народа русское царство—*святою Русью*. На все религіозное въ русскомъ народѣ Л-въ Н-чъ смотрѣлъ тогда,—какъ это мнѣ и всѣмъ моимъ сотоварищамъ по учительству въ Ясно—Полянскихъ школахъ представлялось,—какъ на нѣчто наносное, внутреннее же содержаніе русскаго народа казалось ему, а за нимъ и всѣмъ намъ вполнѣ материалистическимъ. Такъ, я помню, всѣ мы видѣли величайшую мудрость въ словахъ старика—крестьянина, который говорилъ о ненужности молебствій о дождѣ; дождь, по его словамъ, бываетъ отъ того, что вѣтеръ нагонитъ тучки и пойдетъ дождь, а молебны тутъ не причемъ. Помню я также, что кто-то рассказывалъ, будто бы въ односѣ съѣднемъ селѣ, съ точностью указанномъ, во время крестинъ, когда священникъ взялъ ребенка, что-бы погрузить его въ купель, ребенокъ обратился въ горящую свѣчу; когда же священникъ возвратилъ эту свѣчу крестному, свѣча опять обратилась въ ребенка; тогда священникъ снова взялъ ребенка и хотѣлъ погрузить его въ купель, но ребенокъ обратился въ рыбу; въ рукахъ крестнаго рыба опять стала ребенкомъ; взявъ ребенка въ третій разъ, священникъ рѣшилъ—„во что бы ни обратился, всетаки окрещу“; ребенокъ обратился въ снопъ ржи (хлѣба) и когда священникъ окрестилъ его снопомъ, взлетѣлъ онъ птицею (д. б. голубемъ) и проговорилъ человѣческимъ голосомъ,—„если бы окрестили меня свѣчею, то все погорѣло-бы, если—бы рыбою, все погибло-бы отъ наводненія,—окрестили снопомъ,—будетъ обильный урожай...“ Говорили, что кто-то изъ сотоварищей ѣздилъ въ указанное село, чтобы справиться о чудѣ, но тамъ ему указали на другое село, гдѣ это чудо будто-бы совершилось; въ этомъ другомъ указали на третье и т. д., такъ и не могли найти, гдѣ же совершилось описанное чудо. Все это рассказывалось какъ-бы для того, чтобы показать, какимъ образомъ создаются легенды,